

ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

УДК 347

DOI: 10.17223/22253513/37/11

Н.А. Богданова

УСТАНОВЛЕНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СОГЛАШЕНИЯ О МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОДСУДНОСТИ НА ОСНОВАНИИ LEX CAUSAE: ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ

Исследуется коллизионный метод, используемый для установления права, применимого к действительности соглашений о международной подсудности. На основании положений Регламента ЕС № 1215/2012 и Гаагской конвенции 2005 г. о соглашениях о выборе суда проанализированы преимущества и недостатки акцессорного прикрепления статута пророгационного соглашения к статуту основного договора с иностранным элементом для разрешения вопроса о действительности пророгации.

Ключевые слова: оговорка о международной подсудности, Регламент ЕС № 1215/2012, Гаагская конвенция 2005 г., lex fori, lex causae, действительность пророгации.

Соглашение о международной подсудности представляет собой договоренность между двумя и более лицами относительно того, государственные суды какого государства (или государств) обладают компетенцией и (или) суды какого государства (или государств) лишаются компетенции на рассмотрение споров, возникших или способных возникнуть в будущем между договаривающимися лицами из определенных правоотношений, осложненных иностранным элементом. Соглашение о международной подсудности имеет смешанную правовую природу и обладает как материальными, так и процессуальными свойствами. С одной стороны, соглашение о международной подсудности влечет процессуальные последствия, поскольку позволяет определить компетентный государственный суд для разрешения трансграничного спора. С другой стороны, соглашение о международной подсудности является частноправовым договором, в основе которого лежит согласие договаривающихся лиц. Действительность соглашения о международной подсудности (*material / substantive validity*) предполагает соблюдение юридических требований, предъявляемых к согласию сторон на заключение соглашения. При наличии спора о материальной действительности суду необходимо проверить, не существует ли пороков воли, из-за которых за соглашением нельзя признать наличие юридической силы. В иностранной доктрине к материальной действительности согла-

шений о международной подсудности относят вопросы о наличии / отсутствии обмана, ошибки, введения в заблуждение, принуждения, недолжного влияния или мошенничества при заключении соглашения [1. Р. 72].

Смешанная правовая природа соглашения о международной подсудности обуславливает сложность установления права, применимого к нему. В ст. 25 (1) Регламента ЕС № 1215/2012 Европейского парламента и Совета ЕС от 12 декабря 2012 г. о подсудности, признании и исполнении судебных решений по гражданским и торговым делам (далее – Регламент № 1215/2012) [2], § 1 ст. 5 Конвенции в отношении соглашений о выборе суда от 30 июня 2005 г. (далее – Гаагская конвенция 2005 г.) [3] установлено, что действительность соглашения о международной подсудности определяется на основании права страны суда, суд которой указан в соглашении в качестве компетентного по рассмотрению спора (*law of the forum prorogatum, lex fori des prorogierten Gerichts, lex fori prorogati*).

При изучении текстов Гаагской конвенции 2005 г. и Регламента № 1215/2012 следует обратить внимание на толкование формулировки «право страны суда»: имеется ли в виду только материальное право государства или подразумеваются также коллизионные нормы государства? В соответствии с п. 20 преамбулы Регламента № 1215/2012 и § 125 отчета к Гаагской конвенции 2005 г. [4. Р. 125] отсылка к праву страны суда, суд которой указан в качестве компетентного по рассмотрению спора, означает отсылку не только к материальному, но и к коллизионному праву этого государства.

Таким образом, поскольку *lex fori prorogati* лишь отсылает к праву страны, суд которой указан в качестве компетентного в соглашении, то дальнейшее разрешение вопроса о праве, применимом к материальной действительности соглашения о международной подсудности, осуществляется исключительно на основании национальных норм того или иного государства.

Исследования, проведенные в рамках ЕС [5. 2.2.25.2. Р. 394], показывают существование следующих трех подходов по установлению применимого права к вопросам материальной действительности соглашений о международной подсудности:

- Суды одних стран ЕС для установления материальной действительности соглашений руководствуются правом страны суда (суды Кипра, Мальты, Греции, Ирландии).

- В ряде стран суды не выработали единого подхода по данному вопросу и применяют как *lex fori*, так и *lex causae* (например, суды Финляндии).

- Суды других государств ЕС руководствуются правом, регулирующим существо отношения (суды Англии, Австрии, Германии, Эстонии, Латвии, Испании, Люксембурга, Польши, Португалии, Словакии). Применение *lex causae* к вопросам действительности соглашений в Словакии установлено на уровне нормативно-правового акта, а именно в Законе о международном частном праве. В остальных указанных выше правовых порядках вопрос

о праве, определяющем наличие и действительность соглашения о международной подсудности, разрешается на уровне доктрины и судебной практики.

Рассмотрим данный поход более детально на примере германской доктрины и судебной практики. В германской доктрине прямо указывается, что достижение соглашения и недостатки воли (не формы!) подпадают под *lex causae* [6. S. 126; 7. С. 214]. В судебной практике Германии отмечено, что статут основного договора определяется в первую очередь на основании права, выбранного сторонами. Указанное выбранное право к договору имеет решающее значение и для установления действительности соглашения о международной подсудности, содержащегося в этом договоре. При этом для целей установления действительности соглашения о международной подсудности на основании *lex causae* не имеет значения, являются ли соответствующие положения иностранного права, определенного на основании *lex causae*, нормами материального или процессуального права. Отсылка к иностранному праву в данном случае охватывает обе отрасли права без каких-либо ограничений.

Таким образом, если спор возник из договорного обязательства, то для определения применимого права к основному договору применимы нормы о коллизионном регулировании договорных обязательств. Установленное применимое материальное право к основному договору применимо и для регулирования вопросов, связанных с действительностью оговорки о международной подсудности, содержащейся в этом основном договоре. В результате при установлении права, применимого к материальной действительности соглашения о международной подсудности, обязательственный статут основного договора (*Schuldstatut des Hauptvertrages*) совпадает со статутом пророгации (*Prorogationsstatut*). Под акцессорной привязкой «понимается такой способ определения применимого права для правоотношения с иностранным элементом, при котором это правоотношение подчиняется статуту другого правоотношения» [8. С. 464].

Отсюда следует, что рассматриваемая коллизионная норма является акцессорной, поскольку она указывает на применение *lex causae*. Если соглашение о подсудности заключается в связи с договорным обязательством, то имеет место акцессорное прикрепление статута оговорки к статуту основного договора (*akzessorische Anknüpfung an den Hauptvertrag*). Если имеет место внедоговорное обязательство, то право, применимое к этому обязательству, применимо и к материальной действительности соглашения о международной подсудности, т.е. имеет место акцессорное прикрепление статута соглашения к статуту основного обязательства (*Anknüpfung an das Hauptrechtsverhältnis*).

При акцессорном прикреплении при наличии соглашения сторон о выборе права к основному договору выбранное сторонами применимое право автоматически распространяется и на право, применимое к материальной действительности соглашения о международной подсудности. При отсутствии соглашения о выборе права к основному договору материальная

действительность соглашения о международной подсудности регулируется правом, применимым к договору, которое подлежит установлению на основании других критериев и индикаторов. Термин «акцессорность» в данном случае не влечет зависимости основного договора и оговорки о подсудности (как например, при основном обязательстве и способах обеспечения его исполнения), но лишь означает единство права, применимого к обоим правоотношениям. Например, в деле *Dubai Electricity co. and others v. Islamic Republic of Iran shippinglines* английский суд установил, что в соответствии с критерием наиболее тесной связи к договору применимо немецкое право. На основании немецкого права английский суд признал исключительную оговорку о подсудности недействительной, поскольку она была напечатана мелким шрифтом в коносаменте, что с точки зрения немецкого права не позволяло признать наличие действительного волеизъявления. Вопрос о применимом праве имел в указанном деле решающее значение, поскольку в случае применения *lex fori* (английского права) оговорка о подсудности была бы признана действительной [9. Р. 5.30].

В германской доктрине высказано два мнения о правовой природе акцессорности права, применимого к соглашению о международной подсудности. Так, в комментарии к Регламенту № 1215/2012 под редакцией У. Магнуса (U. Magnus) и П. Манковски (P. Mankowski) применение *lex causae* к материальной действительности соглашения рассматривается в качестве подразумеваемого выбора применимого права (*stillsweigende Rechtswahl; vermutete Parteiwille*), в основе которого лежит автономия воли сторон [10. Р. 629–630]. Указанная позиция основана на презумпции, что имеются воля сторон, которая направлена на применение к основному договору, и оговорки о подсудности права одного и того же государства. Напротив, по мнению другого немецкого исследователя Б. Линденмайр (B. Lindenmaier), *lex causae* выступает в данном случае в качестве самостоятельной объективной коллизионной привязки. Исследователь отвергает теорию о подразумеваемом субъективном выборе применимого права сторонами договора, поскольку, по ее мнению, на практике стороны не рассматривают оговорку о подсудности в качестве самостоятельного договора и не имеют своей целью достичь соглашения о применимом праве к указанной оговорке. Статут соглашения в части регулирования его материальной действительности подлежит установлению объективно путем взвешивания коллизионных интересов сторон, правопорядка и оборота [6. S. 128–129].

Заметим, что привязки *lex causae* и *lex fori prorogati* в ряде случаев могут совпадать. Если основной договор подчинен праву того же самого государства, суд которого указан в качестве компетентного, то как при применении *lex causae*, так и при применении *lex fori prorogati* коллизионные нормы укажут на одно и то же применимое право. Если договор регулируется правом одного государства, а выбранный компетентный суд, указанный в оговорке, находится в другом государстве, то в таком случае в зависимости от выбранной коллизионной нормы *lex causae* или *lex fori*

prorogati применимое материальное право будет различаться. Рассмотрим преимущества и недостатки *lex causae* по сравнению с иными объективными формулами прикрепления.

Преимущества акцессорного прикрепления:

Во-первых, вопрос материальной действительности оговорки о подсудности в большинстве случаев неразрывно связан с материальной действительностью основного договора. В зависимости от применимого права, обстоятельств спора, оснований недействительности основного договора недействительность основного договора может повлечь за собой недействительность соглашения о международной подсудности. По указанной причине нецелесообразно применять к вопросам материальной действительности основного договора и к оговорке, содержащейся в нем же, различное право.

Во-вторых, при применении к материальной действительности соглашений о международной подсудности *lex causae* обеспечивается связь, существующая между основным обязательством, соглашением о выборе права и соглашением о подсудности, поскольку все они оказываются подчинены одному правопорядку [11. S. 846]. Такое коллизионное решение отвечает индивидуальным интересам сторон. Стороны рассматривают оговорку о подсудности в качестве части основного договора и исходят из того, что к действительности оговорки применимы те же нормы права, что и к действительности основного договора.

В-третьих, установление материальной действительности соглашения о международной подсудности является в первую очередь вопросом договорного права (поскольку предполагает применение общих положений договорного права о сделках), а не процессуального права, хотя от его разрешения и зависит установление международной подсудности спора. Ввиду сказанного вполне обоснованным выглядит распространение договорного статута на оговорку о международной подсудности для проверки ее действительности.

В-четвертых, при использовании *lex causae* применимое право к материальной действительности соглашения менее зависимо от места рассмотрения спора, чем при применении объективной коллизионной привязки *lex fori*. При таком подходе частично могут быть пресечены попытки недобросовестной подачи иска в несогласованный форум в целях оспаривания действительности соглашения по праву страны суда.

Недостатки акцессорного прикрепления:

Во-первых, применение *lex causae* позволяет добиться лишь относительной независимости применимого права от места судебного разбирательства. Из-за различий в национальных коллизионных нормах (например, ввиду расхождений в толковании таких понятий международного частного права, как «тесная связь», «решающее исполнение») *lex causae* может указать на различное применимое право в зависимости от места рассмотрения спора. Выбор истцом места рассмотрения спора (сделанный даже в обход соглашения) предопределяет выбор национальной системы

коллизийных норм, которая будет применяться для установления права, применимого к основному договору и, соответственно, к соглашению о международной подсудности. Выходом из указанной ситуации является прежде всего унификация коллизийного регулирования договорных и внедоговорных обязательств. Примером подобной унификации в ЕС являются Регламенты Рим I [12] и Рим II [13]. В результате при таком подходе среди тех государств, которые применяют *lex causae* к вопросам материальной действительности соглашений и имеют унифицированное коллизийное регулирование договорных обязательств, достигается международное единообразие решений по вопросу признания соглашений действительными (или недействительными).

Кроме того, если в основном обязательстве имеется прямо выраженная оговорка о применимом праве, то это позволяет сторонам рассчитывать на то, что именно это выбранное право будет применено и к действительности соглашения о международной подсудности вне зависимости от места судебного разбирательства (ведь в таком случае суду не потребуется применять нормы, регламентирующие порядок установления применимого права при отсутствии соглашения сторон и толковать такие понятия, как «тесная связь», «решающее исполнение» и т.п.).

Во-вторых, если правом, регулирующим основное обязательство, не является право страны суда, то применение *lex causae* повлечет за собой необходимость установления содержания иностранного права в части регулирования действительности соглашения о международной подсудности. В силу смешанной правовой природы соглашений о международной подсудности вопрос о действительности соглашения в ряде случаев подлежит разрешению на основании норм как материального, так и процессуального права. В таком случае суду и сторонам потребуется устанавливать содержание и применять нормы иностранного права, имеющие различную отраслевую принадлежность, и разрешать возможные коллизии между ними.

В-третьих, стороны договора могут выбрать подлежащее применению право как для договора в целом, так и для отдельных его частей (в российском праве – п. 4 ст. 1210 ч. 3 ГК РФ). Если стороны воспользовались указанным полномочием и подчинили различные части основного договора разным правовым порядкам, то возникает существенная сложность в определении права, применимого к действительности соглашения о международной подсудности. Представим, что имеет место вертикальное расщепление применимого права, когда в рамках одного договора объединены обязательства, относящиеся к различным типам гражданско-правовых договоров (например, договор регулирует как поставку оборудования, так и выполнение подрядных работ по установке и пуско-наладке этого оборудования), и к указанным обязательствам применимо различное применимое право (например, поставка подчинена праву страны X, а подряд – праву страны Y). При этом в договоре имеется одна общая для обоих обязательств оговорка о международной подсудности. В таком случае неясно, что следует считать правом страны, подлежащим применению к основному договору

для целей установления права, примененного к действительности соглашения о международной подсудности (право страны X или право страны Y).

Представляется, что в качестве допустимого варианта можно руководствоваться правом, применимым к той части договора, из которой возник спор и с которой ввиду этого наиболее тесным образом связана оговорка о подсудности. Однако указанный подход не свободен от значительных недостатков, поскольку спор может касаться обязательств из обеих частей договора, подчиненных различным правовым порядкам. В таком случае требуется кумулятивное применение права обоих правовых порядков, что является времязатратным. Представляется, что для таких случаев право, применимое к оговорке, следует определять на основании *lex for iprorogati* (исключая коллизионные нормы).

В-четвертых, право, применимое к основному обязательству, может предъявлять к действительности соглашения о подсудности более высокие требования, чем право страны суда. Так, по мнению немецкого процессуалиста Гаймера (*Geimer*), в случае наличия пророгационного соглашения в пользу немецких судов материальная действительность такого соглашения должна оцениваться по *lex fori*, а повышенные требования иностранного права, примененного к основному договору, не должны учитываться, чтобы не препятствовать доступу к немецким судам. Противники такой позиции указывают, что отсутствуют причины рассматривать право страны суда в качестве права, которое в обязательном порядке подлежит применению и которое предъявляет минимальные требования к действительности соглашений, которые должны быть первоочередным образом соблюдены. Также отсутствует какой-либо интерес в облегчении доступа к немецким судам с помощью максимального упрощения требований, предъявляемых к действительности соглашений [6. S. 157–158].

Наконец, автоматическое распространение *lex causae* на соглашения о международной подсудности противоречит их автономному характеру [14]. Вывод об автономном характере соглашений о международной подсудности находит поддержку в различных источниках международного гражданского процесса: ст. 3 (d) Гаагской конвенции 2005 г.; ст. 25 (5) Регламента № 1215/2012; в отечественном правовом порядке – п. 10 Постановления Пленума ВС РФ № 23 от 27 июня 2017 г. [15]. Возможным контраргументом может являться довод о том, что *lex causae* выступает в данном случае в качестве самостоятельной объективной коллизионной привязки, которая в наибольшей степени отвечает интересам оборота, а не в качестве подразумеваемого выбора применимого права.

Таким образом, исходя из вышеизложенного анализа положений международных договоров, зарубежного и отечественного законодательства, иностранной и отечественной судебной практики и доктрины, можно заключить следующее.

1. Материальная действительность соглашения о международной подсудности предполагает соблюдение юридических требований, предъявляемых к согласию сторон на заключение соглашения.

2. Для установления материальной действительности соглашения о международной подсудности необходимо обращение к нормам материального гражданского права о договорах, действующих в применимом правовом порядке.

3. Поскольку нормы материального гражданского права о договорах в различных правовых порядках значительным образом отличаются, то, соответственно, разрешение коллизионного вопроса и установление применимого права имеет принципиальное значение.

4. Коллизионная норма *lex fori prorogati*, закрепленная в рассмотренных выше наднациональных источниках международного гражданского процесса для ее унифицированного применения к вопросам материальной действительности соглашения, не способствует международному единообразию решений, поскольку под правом страны суда, указанного в соглашении в качестве компетентного, понимаются не только материальные нормы, но и коллизионные. В результате вопрос о применимом праве к материальной действительности разрешается судами различных государств самостоятельно, при этом в большинстве европейских правовых порядков практика свидетельствует о применении *lex causae*, а не *lex fori*.

5. Акцессорное прикрепление статута соглашения о международной подсудности к статуту основного договора для разрешения вопроса о материальной действительности соглашения, несмотря на наличие определенных недостатков, в наибольшей степени отвечает индивидуальным коллизионным интересам, коллизионным интересам оборота и правового порядка.

6. Унифицированные нормы прямого действия, которые регулировали бы материальную действительность соглашений о международной подсудности, не получили своего развития в европейских правовых порядках ввиду сложности унификации норм гражданского права о договорах и сделках.

Литература

1. Fentiman R. International commercial litigation. New York : Oxford University Press, 2015. 816 p.

2. Regulation (EU) No. 1215/2012 of the European Parliament and of the Council of 12 December 2012 on jurisdiction and the recognition and enforcement of judgments in civil and commercial matters. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1503384549331&uri=CELEX:32012R1215> (accessed: 26.06.2019).

3. Convention on choice of court agreements of 30 June 2005. URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=98> (accessed: 26.06.2019).

4. Hartley T., Dogauchi M. Explanatory Report on the 2005 Hague Choice of Court Agreements Convention. 2013. URL: <https://www.hcch.net/en/publications-and-studies/details4/?pid=3959> (accessed: 26.06.2019).

5. Compilation of all national reports on the application of Regulation Brussels I in the EU countries. Questionnaire No. 3: Legal Problem Analysis. StudyJLS/C4/2005/03. URL: http://ec.europa.eu/civiljustice/news/docs/study_bxl1_compilation_quest_3_en.pdf (accessed: 16.04.2019).

6. Lindenmayr B. Vereinbarung über die internationale Zuständigkeit und das darauf anwendbare Recht. Berlin : Berliner Buchdruckerei Union GmbH, 2002. 473 S.

7. Шак Х. Международное гражданское процессуальное право : учебник : пер. с нем. М. : БЕК, 2001. 560 с.
8. Решение Федерального суда от 24 ноября 1988 г. № III ZR 150/87. URL: https://www.jurion.de/Urteile/BGH/1988-11-24/III-ZR-150_87 (das Datum des Zuganges: 26.06.2019).
9. Асосков А.В. Коллизионное регулирование договорных обязательств. М. : Инфотропик Медиа, 2012. 640 с.
10. Bell A. Forum shopping and Venue in Transnational Litigation. New York : Oxford University Press, 2003. 400 p.
11. Magnus U., Mankowski P. European Commentaries on Private International Law. Commentary. Köln : Verlag Dr. Otto Schmidt KG, 2016. Vol. I. Brussels Ibis Regulation.
12. Stein F., Jonas M. Kommentar zur Zivilprozessordnung. 23. Auflage. Tübingen : Mohr Siebeck, 2014. Bd. 1.
13. Regulation (EC) No 593/2008 of the European Parliament and of the Council of 17 June 2008 on the law applicable to contractual obligations (Rome I). URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:32008R0593> (accessed: 26.06.2019).
14. Regulation (EC) No 864/2007 of the European Parliament and of the Council of 11 July 2007 on the law applicable to non-contractual obligations (Rome II). URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A32007R0864> (accessed: 26.06.2019).
15. Богданова Н.А. Принцип автономности соглашений о международной подсудности // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 10. С. 35–39.
16. О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23 // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_218824/

Bogdanova Natalya A., Moscow State Institute of International Relations (University) Russian Foreign Ministry (Moscow, Russian Federation)

ESTABLISHING THE VALIDITY OF THE INTERNATIONAL JURISDICTION AGREEMENT ON THE BASIS OF THE LEX CAUSAE: ADVANTAGES AND DISADVANTAGES

Keywords: reservation of international jurisdiction, Regulation EU № 1215/2012, The Hague Convention of 2005, lex fori, lex causae, validity of the prophecy.

DOI: 10.17223/22253513/37/11

The Institute of International Jurisdiction Agreement has recently been incorporated into domestic law through the adoption of the Russian Code of Arbitration Procedure on 24 July 2002 and the Russian Code of Civil Procedure on 14 November 2002. Previously, the domestic doctrine did not give sufficient attention to this instrument of contractual regulation of procedural relations and it was considered only to a limited extent.

At present, including the adoption of the Concept of the Unified Code of Civil Procedure of the Russian Federation, which was developed for the purpose of comprehensive reform of procedural legislation, interest in international jurisdiction is growing significantly. Subordination of a dispute to the jurisdiction of the court of the state whose law regulates the legal relationship between the parties from which the dispute arose significantly simplifies its resolution, as there is no need to establish the content of foreign law. Agreements on international jurisdiction also contribute to legal certainty between the parties.

An agreement on international jurisdiction is of a complex legal nature as it has both procedural and substantive legal features. This type of agreement is at the intersection of private international law and international civil procedure law on the one hand, and civil and procedural law on the other. The study of the law applicable to agreements on international jurisdic-

tion involves resolving a huge number of conflicts that arise when establishing the applicable national legal order to an aspect of an agreement.

In the article, the author investigates the advantages and disadvantages of establishing the validity of an international jurisdiction agreement on the basis of the *lex causae*, i.e. the law applicable to the main contract with a foreign element for dispute settlement from which the parties conclude a propulsion agreement. The collision rule of the *lex fori prorogati*, set out in the 2005 Hague Convention and Regulation No 1215/2012 for its uniform application to the substantive validity of the agreement, does not contribute to international uniformity of decisions, since the law of the forum country referred to in the agreement as competent means not only substantive but also collision rules. As a result, the question of the applicable law to substantive validity is settled by the courts of various states on their own, and in most European law and order practice shows the application of the *lex causae* rather than the *lex fori*.

The author concludes that accentuating the statute of the international jurisdiction agreement to the statute of the main treaty in order to resolve the question of the substantive validity of the agreement, despite the existence of certain shortcomings, is in the best interest of individual conflict interests, conflict of interests in turnover and law and order.

References

1. Fentiman, R. (2015) *International commercial litigation*. New York : Oxford University Press.
2. The European Union. (2012) *Regulation (EU) No. 1215/2012 of the European Parliament and of the Council of 12 December 2012 on jurisdiction and the recognition and enforcement of judgments in civil and commercial matters*. [Online] Available from: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1503384549331&uri=CELEX:32012R1215> (Accessed: 26th June 2019).
3. HCCH. (2005) *Convention on choice of court agreements of 30 June 2005*. [Online] Available from: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=98> (Accessed: 26th June 2019).
4. Hartley, T. & Dogauchi, M. (2013) *Explanatory Report on the 2005 Hague Choice of Court Agreements Convention. 2013*. [Online] Available from: <https://www.hcch.net/en/publications-and-studies/details4/?pid=3959> (Accessed: 26th June 2019).
5. The European Union. (2005) *Compilation of all national reports on the application of Regulation Brussels I in the EU countries. Questionnaire No. 3: Legal Problem Analysis. Study JLS/C4/2005/03*. [Online] Available from: http://ec.europa.eu/civiljustice/news/docs/study_bxl1_compilation_quest_3_en.pdf (Accessed: 16th April 2019).
6. Lindenmayr, B. (2002) *Vereinbarung über die internationale Zuständigkeit und das darauf anwendbare Recht*. Berlin: Berliner Buchdruckerei Union GmbH.
7. Shak, H. (2001) *Mezhdunarodnoe grazhdanskoe protsessual'noe pravo* [International civil procedural law]. Translated from German. Moscow: BEK.
8. The Federal Court. (1988) *Reshenie Federal'nogo suda ot 24 noyabrya 1988 g. № III ZR 150/87* [Resolution No. III ZR 150/87 of the Federal Court dated November 24, 1988]. [Online] Available from: https://www.jurion.de/Urteile/BGH/1988-11-24/III-ZR-150_87 (Accessed: 26th June 2019).
9. Asoskov, A.V. (2012) *Kollizionnoe regulirovanie dogovornykh obyazatel'stv* [Conflict regulation of contractual obligations]. Moscow: Infotropik Media.
10. Bell, A. (2003) *Forum shopping and Venue in Transnational Litigation*. New York: Oxford University Press.
11. Magnus, U. & Mankowski, P. (2016) *European Commentaries on Private International Law. Commentary*. Vol. 1. Cologne: Verlag Dr. Otto Schmidt KG.
12. Stein, F. & Jonas, M. (2014) *Kommentar zur Zivilprozessordnung*. Vol. 1. 23rd ed. Auflage. Tübingen: Mohr Siebeck.

13. The European Union. (2008) *Regulation (EC) No 593/2008 of the European Parliament and of the Council of 17 June 2008 on the law applicable to contractual obligations (Rome I)*. [Online] Available from: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:32008R0593> (Accessed: 26th June 2019).

14. The European Union. (2007) *Regulation (EC) No 864/2007 of the European Parliament and of the Council of 11 July 2007 on the law applicable to non-contractual obligations (Rome II)*. [Online] Available from: [http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX %3A32007R0864](http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A32007R0864) (Accessed: 26th June 2019).

15. Bogdanova, N.A. (2016) Independence of Agreements on International Jurisdiction. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess*. 10. pp. 35–39. (In Russian).

16. The Supreme Court of the Russian Federation. (2017) *O rassmotrenii arbitrazhnymi sudami del po ekonomicheskim sporam, voznikayushchim iz otnosheniy, oslozhnennykh inostrannym elementom : postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 27.06.2017 № 23* [On arbitration of cases on economic disputes arising from relations complicated by a foreign element: Resolution No. 23 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 27, 2017]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_218824/